

Есть деревня Барсуки́. Она сожжена целиком и с людьми во время войны. Там сеструха сгорела с двумя детьми. Там приехали партизаны и легли спать. А за деревней был стожок, там патрульный был и заснул. А в Поддубье стояли немцы, и чего они захотели приехать в Барсуки. Подъезжают, а он, патрульный, спит под адоночком¹. Они его уничтожили, и в село. Ну, наши их тут всех уничтожили, а один или два ушли. Если б всех убили, ничего бы не было. Ну, пропали и пропали. А он [немец] всё рассказал. Утром оцепили деревню, половина жителей ушла, кто-то предупредил. А кто остался, всех сожгли. И моя сеструха с детьми и два деверя. А хотели они хлебцы из печи вынуть и задержались. А тут начали стрелять. Их трассирующими пулями и срезали. Так все рядком и легли. Пришли, а они все рядком и лежат, и раны прожжены. Пришли люди, слышат: кто-то пищит. Есть тут кто-то живой! Стали искать. Чугун большой перевернули, она [женщина] под ним скорчившись сидит. Уж задыхалась, если б не пришли, пропала. Уж как ей жарко было, а жива осталась. Чугун колхозный большой на нее упал и накрыл. Единственная из всей деревни спаслась.

¹ *Одóночек, одóнок* – стог сена или соломы.